

Предисловие

Когда я была совсем маленькой, я прочитала все до единой книги в маленьком детском отделе нашей крошечной местной библиотеки — кроме большой зеленой книги о рептилиях и амфибиях, которых я боялась.

Я читала книги о каллиграфии, о настольном теннисе, о скаутах. Да, я была отчаянным скаутом, хотя ненавидела это, и даже получила одну награду — значок читателя. А еще я читала книги о том, как стать шпионом, и о Библии, да и вообще все подряд из того, что там было.

Я думала, что в том и смысл: перечитать все книги в мире. Когда же в тринадцать лет я получила взрослый читательский билет, то перебрала половину полки вестернов Луиса Ламура, прежде чем сообразила, что они, пожалуй, не для меня, хотя до этого прочитала куда больше триллеров Тома Клэнси, чем можно было ожидать от маленькой девочки.

В общем, оставим это в стороне. Привет всем и большое спасибо за то, что выбрали для себя «Книжный магазинчик у озера»! А я знаю, вам было из чего выбрать! Клянусь, что знаю.

Эта книга — вовсе не продолжение «Книжной лавки на углу», или «Книжного магазинчика счастья»

(в зависимости от того, где вы эту книгу приобретали). Забавная история, которая могла бы вас удивить: авторы не всегда могут выбрать название для собственной книги. Но в то время в моде были длинные названия, и потому было выбрано это: «Книжный магазинчик счастья», хотя мне самой оно показалось слегка замысловатым.

Потом мой старый американский издатель, которого я обожаю, сказал: «Ну, я не уверен, что это годится для Соединенного Королевства. Ты не против, если мы его изменим?», и я ответила: «Конечно!»

И он предложил: «Как насчет „Книжной лавки на углу“?»

А я ответила: «Но вообще-то, это разъездной магазинчик, так что на самом деле он не на углу».

Тогда он говорит: «Ну, я думаю, ты понимаешь: тут суть в том, что до магазина легко добраться».

«Ладно, согласна, — кивнула я, — а как насчет того, что я его припаркую на углу?»

И он ответил: «Отлично!»

Поэтому у английского и американского изданий разные названия, и единственная разница между этими изданиями в том, что в английском много раз повторяется фраза «фургон, стоящий на своем обычном углу».

Как бы то ни было, новая книга — не продолжение, хотя в ней есть парочка знакомых персонажей — Нина и Суриндер, — это целиком и полностью история Зои.

И еще это история о том, что если вы любите книги, то, пожалуй, у вас всегда есть защита от мира, — возможно, звучит странно, но я в это искренне верю.

Если вы читаете, то, наверное, должны сами подобрать для себя подходящее определение. Оно значит, что вы заглядываете во множество голов, проживаете

больше жизнью, чем только свою собственную. Мой сын не слишком любит читать — он не обгоняет других в развитии, — но я отлично помню, что когда он читал книги о Гарри Поттере, то подходил ко мне и говорил в изумлении: «Это совсем не похоже на кино... я как будто действительно там нахожусь, мам!» И я по-прежнему верю, что чтение — это наилучший способ общения людей «из ума в ум», какой только был до сих пор придуман, — пока «Фейсбук» не заставит всех нас обзавестись имплантатами.

Чтение может быть и убежищем — в особенности мне нравится наблюдать за пассажирами метро, не замечающими серого унылого утра, погрузившись в Англию времен Томаса Кромвеля или фантастические миры Мишеля Фейбера и Джорджа Мартина.

В последнем «книжном» романе я немного рассказывала о том, где и как я читала, и множество читателей предложили мне свои полезные идеи. Одно из самых интересных замечаний — то, что проводится граница между «настоящими книгами» и электронными или аудио. Некоторые люди — немногие — имеют на этот счет твердое мнение, считая, что «нет ничего похожего на настоящую книгу». Интересно и то, что многим нравится иметь целую библиотеку в телефоне или карманной электронной книжке. Еще я заметила, что люди все чаще и чаще меняют в них шрифт на более крупный, избавляясь от очков для чтения. Но насколько это полезно?..

Книгу также легко читать в ванне, что я и делаю каждый день. Страницы я переворачиваю носом и даже ни разу не уронила книгу в воду, хотя, поверьте, в неуклюжести со мной никто не сравнится. Еще мне нравятся аудиокниги, поскольку это значит, что вы можете продолжать чтение, пока ваши руки заняты собачьим поводком.

А относительно электронных книг... Если честно, мне слегка не хватает того, что я не могу подсмотреть, кто что читает. Мне бы хотелось, чтобы название книги писали в верхней части каждой страницы. Сама я постоянно забываю название того, что читаю, и когда кто-то меня спрашивает: «Что это ты читаешь?» — я смотрю на название. Тогда на меня бросают такой взгляд, словно хотят сказать: «О, прошу прощения! Я-то думал, ты настоящий читатель», — и это меня очень, очень раздражает!

А еще я однажды всерьез рассердилась за ужином, когда одна женщина все болтала и болтала о том, что никогда не стала бы читать электронную книгу, что с настоящей книгой ничто не сравнится. Обычно я никогда не грублю людям, но эта женщина была просто невыносима, — и я, подразумевая саму себя, сказала: «Ну, они, вообще-то, для тех, кто читает по-настоящему много».

Главное вот в чем: относитесь с любовью ко всему, что вы читаете. Обогащайте свою жизнь с помощью книг. Если вам не понравилась одна — возьмите другую, в конце концов, жизнь слишком коротка¹.

Сама я все еще пытаюсь прочитать все книги мира. Вы читатель. Вы меня поймете.

С любовью, Дженни

¹ Кроме вот этой, само собой. Я лично отправлю вам имейл, чтобы проверить, дочитали ли вы ее до конца, и задам проверочные вопросы. — *Примеч. автора.*

Часть первая

— Вид отсюда совсем другой, — расправляя крылья, сказал почтовый голубь Роберт. — Когда ты смотришь на все так, как обычно, ничего не меняется. А когда меняешь перспективу, все становится другим.

— Но это совсем не похоже на город, — изумленно возразил Валлас. — Тут сплошное небо!

— Вообще-то, — проговорил почтовый голубь Роберт, пристально глядя глазами-бусинками на грязноватого мальчика, — существует множество разновидностей неба.

Из книги «По крышам»¹

¹ См. роман «Книжный магазинчик счастья».

Глава 1

И так, расскажете мне о слезах? Женщина, добрая, но официальная, сидела за старым, обшарпанным столом Национальной службы здоровья, НСЗ. Плакат на стене предлагал вниманию сбивающую с толку аббревиатуру, которую вам нужно было запомнить, если вы подумали, что у вас инсульт.

Мысль, что необходимо было запоминать какую-то аббревиатуру, притом что у вас инсульт, весьма встревожила Зою, даже больше, чем то, зачем она пришла сюда. На маленьком окне висели грязные венецианские жалюзи, а из окна видно было лишь красную кирпичную стену напротив, пол был покрыт плиткой в кофейных пятнах.

— Ну, в основном это бывает по понедельникам, — произнесла Зоя, уставившись на чудесные волосы женщины — темные, блестящие.

Волосы Зои тоже были длинными и темными, но их кое-как скрепляло то, что, как она сама надеялась, выглядело, например, ленточкой для волос, а не резинкой, которую обронил почтальон.

— Ну, вы понимаете... когда поезд опаздывает, или я не могу втащить в вагон коляску... Или кто-нибудь ворчит из-за того, что я затаскиваю ее в вагон.

Но если я не возьму с собой коляску, то опоздаю на час. Хотя он, конечно, слишком большой для коляски, и я это знаю, спасибо, так что можете не смотреть на меня осуждающе... Или когда мне приходится бросать работу, и я считаю каждую минуту, думая, во сколько мне это обойдется к тому времени, когда я его заберу, и весь рабочий день пропадает зря... Или когда я думаю, что мы успеваем на автобус, но, едва подойду к остановке, водитель закрывает двери, хотя и видел меня, — просто потому, что ему не хочется брать коляску. Или когда у нас кончается сыр, а я не могу купить еще. Вы вообще видели цены на сыр? Или...

Женщина добродушно улыбнулась, но казалось, что она слегка встревожена.

— Я имела в виду вашего сына, миссис О'Коннел. Когда плачет он?

— Ох! — ошеломленно выдохнула Зои.

Обе посмотрели на темноволосого малыша, который тихонько играл с чем-то в углу комнаты. Он с опаской глянул на них.

— Я... я не сообразила... — промямлила Зои, подумав вдруг, что вот-вот снова расплачется.

Добрая доктор Бакри придвинула к ней коробку с бумажными салфетками, стоявшую на ее столе, и это помогло.

— Только я мисс, — дрожащим голосом уточнила Зои. — Ну, он в порядке... то есть плачет он редко, но... — Теперь она поняла, что ей предстоит. — Он... не произносит ни звука.

«Наконец-то», — подумала Зои после того, как все-таки высказалась, и даже слегка расслабилась, но тут же снова сосредоточилась. К собственному ужасу,

она осознала, что прием в НСЗ, которого они ждали так много месяцев, уже подходил к концу, а она потратила почти все время на слезы и на то, что смотрела на доктора Бакри с надеждой и отчаянием. Хари теперь весело вертелся у нее на коленях. Ну, по крайней мере, доктор Бакри не сказала того, что обычно говорили люди...

— А знаете, Эйнштейн... — начала доктор Бакри, и Зои внутренне застонала. Ну конечно, опять то же самое! — не говорил до пяти лет.

Зои чуть заметно улыбнулась.

— Да, я об этом знаю, спасибо, — процедила она сквозь стиснутые зубы.

— Избирательная задержка речи... Он пережил какую-то травму?

Зои прикусила губу. Боже, она надеялась, что ничего такого...

— Ну, его отец... он то появляется, то исчезает, — сказала она, а потом слегка умоляющим тоном, словно ожидая от доктора одобрения, добавила: — Но в этом ведь нет ничего необычного? Тебе ведь нравится видеть папу?

При упоминании об отце личико Хари осветилось, как обычно, и он ткнул коротким пальцем в щеку Зои.

— Скоро, — сказала она ему.

— Когда вы в последний раз его видели? — спросила доктор.

— Э-э... три... шесть...

Зои пыталась вспомнить. Джез, по правде говоря, отсутствовал все лето. Она постоянно твердила себе, что незачем заглядывать в его «Инстаграм», но это было похоже на некий гадкий наркотик. Джез побывал уже, наверное, на четырех фестивалях. И Зои видела множество его снимков в разных пестрых шляпах.

Доктор показала Хари какую-то карточную игру, учила его щелкать пальцами и предлагала найти вещи, которые она прятала в разных местах в комнате, — и четырехлетний малыш пытался делать все это, нервничая и постоянно порываясь снова забраться на колени мамы, его темные глаза смотрели испуганно.

— Это социальная тревожность.

— Я знаю.

— И очень необычная. — Доктор проверила свои записи. — Странно, что ребенок не говорит даже с родителями. А дома у вас его что-нибудь расстраивает?

Они жили на первом этаже ужасного перестроенного викторианского здания у шоссе на Уэмбли. Там постоянно сигналили машины, соседи с верхних этажей частенько возвращались домой пьяными и посреди ночи на всю громкость включали музыку. Иногда Джек приводил домой друзей, которые хлопали дверями и громко хохотали. Отложить что-то на депозит, чтобы переехать в другое место — не говоря уж об арендной плате, — оставалось несбыточной мечтой. Городской совет предложил ей проживание типа «ночлег и завтрак», что было, пожалуй, еще хуже. Мать не могла помочь Зои — она много лет назад переехала в Испанию и жизнь там изо дня в день становилась все дороже, она с трудом перебивалась на свою пенсию и работала в каком-то ужасном баре с фотографиями яичницы в окнах.

И еще с тех самых пор, как Зои случайно забеременела, она большую часть времени тратила на то, чтобы делать вид, будто у нее все в порядке, все прекрасно в ее семье и с ее друзьями. Она просто не могла честно посмотреть на то, как все было серьезно. Но последствия оказались драматическими.

Доктор Бакри всмотрелась в лицо Зои.

— Я не... я не виню вас.

Губы Зои снова задрожали.

— Знаете, — сказала доктор Бакри, — вы явно привязаны друг к другу. Мальчик робкий, но не похоже, что он пережил какие-то тяжелые травмы. Иногда... иногда все дело именно в них.

Последовала долгая пауза.

— Это, — чуть слышно произнесла Зои, — это самое приятное, что я слышала за очень долгое время.

— Мы обычно начинаем с системы вознаграждений за усилия, — продолжила доктор Бакри, протягивая Зои несколько диаграмм и списки целей. — Просто поощрение, конечно. Что-то милое за шепот... что-то вкусное...

Зои моргнула, пытаясь сообразить, где бы она взяла денег на сладости, когда она уже и так со страхом думала, что ей делать, когда похолодает и Хари не сможет ходить в летних сандалиях.

— Вы можете попробовать медитации, если это не поможет.

Зои вытаращила глаза. Плевать всем на ее прекрасного мальчика. Это был конец пути — буквально: им понадобилось два часа, чтобы в жаркий день дотащить сюда через весь Лондон, ради встречи с консультантом, а до этого они восемь месяцев стояли в списке ожидания...

— Вы много с ним разговариваете? — спросила доктор Бакри.

— О, ну да, — ответила Зои, радуясь тому, что хоть в этом нет ее вины. — Да! Много! Постоянно!

— А вы постарайтесь не говорить слишком много. Если вы угадываете все, что мальчику нужно или хочется, у него нет мотивации. А нам нужна именно она.

Доктор Бакри встала. Видя ошеломленное лицо Зои, она улыбнулась.

— Я понимаю, тяжело осознавать, что здесь не нашлось волшебной палочки, — сказала она, собирая со стола буклеты.

В горле Зои снова набух ком.

— Да, — согласилась она.

Так оно и было.

Зои пыталась ободряюще улыбнуться своему малышу. Но им пришлось ехать по очереди в двух переполненных, шумных автобусах, где кричали и визжали школьники, толкаясь и обсуждая снятые им на телефоны видео. Народу было слишком много, а автобус полз с болезненной медлительностью, и Хари сидел у нее на коленях, чтобы дать место другим людям. У Зои затекла нога, и она пыталась подсчитать, во что ей обойдется пропуск еще одной смены. Еще она думала, что ее босс Ксения уже теряет терпение, потому что Зои все время берет выходные, но ей ведь нельзя лишиться этой работы... и все это давило и казалось непреодолимым.

А когда они наконец добрались до дома и закрыли за собой ободранную внутреннюю дверь и Хари уже спотыкался от усталости, на коврике у двери лежало письмо, которое сделало все намного хуже.

Глава 2

— **А** как те, кому ты сдала амбар? Они разве не могут помочь?

Суриндер Мехта сидела в кухне своего маленького дома в Бирмингеме, пытаясь по телефону дать какой-то разумный совет своей подруге Нине, которая делала то, что обычно делают люди, когда им дают разумные советы, — отвергала их все по очереди.

У Нины была разъездная книжная лавка в районе Шотландского нагорья. И так уж вышло, что она влюбилась в одного весьма привлекательного фермера, а в результате очень долгой, темной и уютной зимы кое-что случилось... Нина вздохнула и сердито погладила свой живот. Теперь ей не удастся разобраться с этим до начала следующего сезона продаж.

— Они фермеры! Они заняты!

— Но должен же найтись кто-то, кто сможет помочь? Как насчет той девочки, которая наводила у тебя порядок?

— Эйнсли уехала в колледж. Вокруг все и так работают на трех работах. Такая тут жизнь. Просто людей не хватает.

Нина выглянула в окно фермерского дома. Шел сбор урожая, все до единого были заняты. Она видела фигуры далеко в полях, все низко наклонялись... Золо-

той свет заливал поля, ветер проносился над колосьями ячменя. Ей самой не пришлось в этом участвовать, но она все равно должна была готовить огромное количество еды и потому вернулась на ферму, чтобы варить суп для тех, кто трудился допоздна.

— Ладно, — сказала она наконец. — Подумай об этом.

— Я не собираюсь бросать работу, чтобы заменить тебя на время твоего отпуска по беременности! — заявила Суриндер. — Но это не значит, что я тебя не люблю, не придумывай такого.

После их разговора Нина еще посидела на кухне, вздыхая. А ведь как хорошо все начиналось... Она помнила тот день: Леннокс, который на верхнем поле присматривал за окотом овец, весна выдалась поздней, и многие ягнята были слабыми, появившись на свет под хлещущими порывами ветра и частенько при снегопаде. Она тогда совершенно не представляла, как откликнется Леннокс. Он уже был женат прежде, и Нина не хотела, чтобы он думал, будто она чего-то требует, — она и так была абсолютно счастлива. А он не желал суеты, колокола и дудки были не в его стиле.

Нина в тот день была так рассеянна в своей лавке, что пыталась дважды продать миссис Макглехин тот же самый роман Дороты Уиппл, что могло бы стать причиной небольшого дипломатического инцидента. Она также дала кому-то не ту книгу для подготовки к экзаменам, а потом заметила, что каждый раз, когда слышит чьи-то шаги на ступеньках ее книжного фургона, прячет за спину книгу «Что делать, когда вы в ожидании». В фургоне висели маленькие люстры и стояли светлые голубые стеллажи, в углу разместились бескаркасные кресла и маленький столик для детей, а теперь к ним добавился еще и беспроводной Интернет —

вайфай работал, только когда ветер дул в нужном направлении, — и многие старые жители Кирринфифа заявляли, что это колдовство.

Наконец Нина повела свой фургон через холм и дома сразу проверила рагу, которое оставила утром на малом подогреве, а потом встретила усталого Леннокса мягкой улыбкой и крепким поцелуем.

— Книга? — спросила она после ужина.

— Ох, Нина! Я слишком измотан для таких штук, ты же знаешь, — ответил Леннокс.

Но потом он увидел ее лицо.

— Ай, ладно, но только чуть-чуть, — сказал он, заставляя пастушеского пса Парсли сесть рядом.

Нина с сильно бьющимся сердцем достала выбранную ею книгу из маленького бумажного пакета, которым она пользовалась, чтобы сохранить в чистоте переплеты книг. Книга называлась просто — «Привет!» — и была прекрасно иллюстрирована слегка импрессионистскими рисунками, показывавшими весь путь младенца. Сперва в черно-белых красках, потом с каждой страницей рисунки становились все более и более понятными и обретали цвет — сначала там словно плыли облака, потом они обретали форму, — и, наконец, на самой последней странице, прекрасно исполненной, был очень четкий рисунок младенца и матери, которые смотрели друг другу в глаза, и под рисунком — одно-единственное слово: «Привет!»

Вместо того чтобы сразу, как обычно, заснуть, Леннокс внимательно слушал, пока звучал голос Нины и переворачивались страницы. Он смотрел на Нину так, словно видел ее впервые. Даже Парсли бодрствовал, чувствуя атмосферу в комнате.

Когда Нина закончила читать, ее руки чуть заметно дрожали. Она с решительным видом закрыла малень-

кую книгу в твердом переплете и опустила глаза. Наступило долгое молчание, слышалось лишь тиканье стоявших на старом буфете древних часов, которые нужно было заводить раз в неделю. Тик-тик-тик.

Нина больше не могла это выносить.

Она медленно подняла голову. Леннокс смотрел на нее со странным недоверием.

— Ты мог хотя бы сказать мне, что счастлив, — быстро произнесла Нина.

— Ох! — выдохнул Леннокс. И в своей обычной сдержанной манере добавил: — Ну да.

Нина тревожно всмотрелась в его лицо.

— Я понимаю, что мы этого не обсуждали, — сказала она. — Но с другой стороны, я была бы не против обсудить это...

— Так, — кивнул Леннокс.

— А это должно бы стать поводом для обсуждения, — продолжила Нина, — когда ты вообще решишь поговорить. То есть ты доволен? Ты рад?

Он с ужасом уставился на нее.

— Конечно! — выпалил он наконец, как будто его изумила сама мысль о том, что Нина могла вообразить нечто другое. И он действительно изумился.

— Ну, вот мы все работаем и работаем, — проворчала Нина. — И вроде и дальше так будет...

— Ну да, конечно. Я же фермер.

Нина просияла улыбкой, когда Леннокс потянулся к ней и, нежно поцеловав, усадил к себе на колени. А его ладони легли на ее живот.

— Пока это только я, — сказала Нина. — Думаю, там пока что лишь горошинка.

— Ну, это мне тоже нравится. Итак, когда?

— В ноябре? Мне нравится думать, что день рождения будет в по-настоящему скучный, мокрый месяц, когда и заняться-то нечем.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Леннокс испустил протяжный вздох и прижался головой к голове Нины.

— Что ж, — сказал он. — Это будет... это будет...

— Скажи хоть что-нибудь! — засмеялась Нина.

После долгой паузы Леннокс крепче прижал ее к себе.

— Идеально, — наконец очень тихо произнес он. — Это будет идеально.

И они еще долго стояли так.

Значит, с этим все было в порядке. А вот со всем остальным — не очень.